

Сергей АЛЕКСЕЕВ
Александр ИНКОВ

СКИФЫ

ИСЧЕЗНУВШИЕ
ВЛАДЫКИ СТЕПЕЙ

Неведомая Русь

Сергей Алексеев

**Скифы. Исчезнувшие
владыки степей**

«ВЕЧЕ»

2015

Алексеев С. В.

Скифы. Исчезнувшие владыки степей / С. В. Алексеев —
«ВЕЧЕ», 2015 — (Неведомая Русь)

Скифия – страна, простиравшаяся через всю Восточную Европу вплоть до дальних земель античной Ойкумены. Скифы принадлежали к племенам североиранской языковой группы индоевропейской семьи. Они были родственны сарматам, массагетам и сакам. Одни исследователи считают их потомками носителей срубной культуры эпохи бронзы, продвигавшихся начиная с XIV века до нашей эры с территории Поволжья на запад. Другие полагают, что основное ядро скифов вышло из Средней Азии или Сибири и смешалось с населением Северного Причерноморья. Об этом таинственном исчезнувшем народе, его легендарной и действительной истории, его культуре, традициях и обычаях рассказывает очередная книга серии.

© Алексеев С. В., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Предисловие	5
Начало начал	9
Эпоха легенд	16
Легенды и история	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Алексеев, Александр Инков

Скифы. Исчезнувшие владыки степей

Предисловие

Скифское золото... Величайшая ценность для многих музеев мира, предмет вожделий кладоискателей и восторгов любого ценителя прекрасного. Всемирно известные украшения, изящные творения неведомых мастеров «звериного стиля», покрытое драгоценным металлом оружие. Многократно воспетое писателями нашего века в стихах и в прозе. Сокровища давно ушедших из нашего мира, незнаемых большей частью по именам владык евразийской степи.

Скифские курганы... Величественные исполины, встающие над бескрайними равнинами степей. Не раз за свою историю потревоженные и осквернённые, ныне отлично изученные специалистами, но всё так же представляющиеся таинственными и неприступными. Места последнего упокоения царей, для которых их подданные возносили ввысь громады заупокойных домов, – и скромные усыпальницы самих подданных. Хранилища тайн минувшего, останков древнего народа – а многие века и его несметных богатств, привлекавших и алчность, и любознательность.

Скифские изваяния... Немые стражи, стоявшие древле на вершинах курганов и всхолмьях необъятной Скифии. Давно утратившие имя и смысл, обозванные «каменными бабами», – такова простота молодых народов, пришедших на место старых. Но всё ещё хранящие черты древних воителей, чья мощь держала в страхе многие страны Старого Света.

Скифия... Скифы... Названия, хорошо известные любому, кто знает и любит историю Отечества, но от этого не менее манящие ароматом тайны. Страна, простиравшаяся через всю Восточную Европу, раздвигавшая свои границы подчас до дальних концов античной Ойкумены, – и лишившаяся прежнего имени навсегда. Народ, хорошо известный античному миру, интересовавший и пугавший учёных эллинов – и сгинувший под волнами истории почти бесследно. Так что новые люди, пришедшие на место прежних, могут лишь всматриваться в их историю, чувствуя в ней разом и своё, родное, родовое, – и явно чуждое. В этом странном ощущении, в этом чувстве – загадка той скифской «болезни», которая не раз охватывала умы России, побуждая искать её прошлое среди тайн сгинувшего племени.

Но и у соседей долгая память. Век за веком «Скифия», давно переставшая быть таковой, сохраняла своё имя у чужеземцев, пока не сменилась столь же малопонятной «Тартарией». А мрачный образ нависающих над «своим» миром «скифских орд» из глубин этой самой «Тартарии» и после того будоражил умы – только уже не российские, а западные.

А у нас откликнулись на чужой несправедливый страх, на чужие исторические мифы. И вот в кровавую пору революции Александр Блок пишет своих «Скифов», в первых строках которых яростно соглашается: «Мильоны вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте, сразитесь с нами! Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, с раскосыми и жадными очами!»

Говоря серьёзно, с позиций исторической истины знаменитый поэт Серебряного века был не совсем прав, или совсем не прав. И об этом тоже стоит помнить. Во-первых, скифов едва ли можно назвать «азиатами». Блуждания древнеиранских народов вели их в основном в Азию – но и через Европу тоже, а скифы античных писателей жили в Европе веками. Во всяком случае, скифы точно не были монголоидами. Даже в глубокой древности «очи» их скорее миндалевидные, чем «раскосые».

Итак, скифы не были «азиатами», но и мы – не скифы. И едва ли «азиаты», но это вопрос совсем другой. Скифы говорили на языках иранской группы, являясь отдалёнными родичами

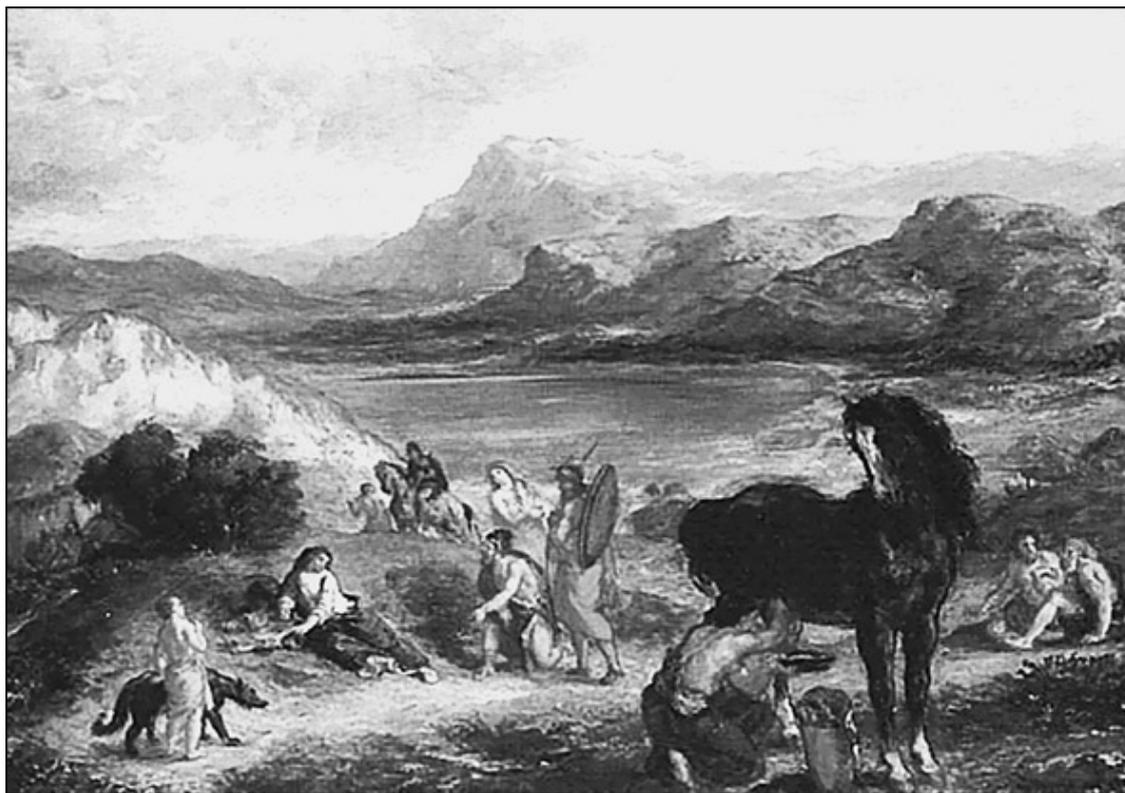
славян по индоевропейской линии. О том, насколько они поучаствовали в славянской родословной (или в тюркской), идут давние научные споры. Кровь скифов наверняка течёт в жилах какой-то части славян (и не только). Но ставить знак равенства между славянами, испокон веку земледельческим народом, и степными кочевниками античной эпохи едва ли правильно даже с точки зрения одной культуры.

Ну и наконец, едва ли Европе стоило бояться именно «скифов», а «скифами» пугать Европу. Исторические скифы почти вовсе не угрожали античной цивилизации – за исключением нескольких греческих городов в Причерноморье. Даже там ни один крупный античный центр от скифов не пострадал – кочевников или отбивали, или договаривались с ними миром. Напротив, сильные государства Античности – Македония, Понт, Рим, Боспор – раз за разом наносили скифам поражения, тесня их и уничтожая их нарождающуюся государственность. Что же касается «варваров» Запада, германцев и кельтов, то до них скифы почти не доходили в своих походах. Напротив – опять-таки, – тяжёлые удары нанесли по поздней Скифии германские племена бастарнов и готов. Удар последних оказался смертелен. Слабость скифов по отношению к Западу объяснялась в том числе и недостаточной численностью населения. Действительно, на благо Римской империи, если и не всегда на поле брани, трудились «миллионы». А вот в поздней Скифии боеспособное население и правда насчитывало «тьмы», то есть десятки тысяч. Впрочем, на этот казус поэта внимание обратили уже давно и по другому поводу...

Кто же имел основания бояться скифов? Прежде всего, их соседи по Восточной Европе – фракийцы на севере Балкан, тавры в Крыму, а также многочисленные племена лесов Севера, среди которых и предки славян. Разрушительным потоком прошло некогда скифское нашествие по странам Передней Азии и Закавказья. Но при всей своей силе и «щитом» для Европы от нашествий с Востока скифы служить не могли, в отличие от позднейшей Руси. Первое же мощное вторжение – сарматское – сокрушило скифский «заслон», и оно-то как раз позднее обрушилось, пусть не всей мощью, на рубежи античной цивилизации.

Бой скифов со славянами. Художник В.М. Васнецов

Овидий у скифов. Художник Ф.-В.-Э. Делакруа

Впрочем, будем справедливы – пафос творившего на кровавом изломе эпох Блока был отнюдь не в следовании исторической истине. Вдохновлявшая его идея, увы, знакома многим и из наших современников, в том числе, опять-таки к сожалению, намного менее одарённым. Десятки, если не сотни нынешних «мыслителей» готовы объявить свой народ хоть скифами, хоть фэнтезийными орками, да хоть кем! Лишь бы только «врагу» было «страшно». Только вот незадача – «врагу» абсолютно не страшны как фантастические, так и вполне реальные, но давно ушедшие со сцены истории народы. А вот историческое, да и нравственное сознание собственного народа такими экспериментами смутить очень даже возможно. «Скифы» Блока, «гунны» Брюсова в итоге, как известно, сокрушили вовсе не заграничную цивилизацию... Как бы то ни было, чем тешить фантазию историческими мифами, полезнее было бы заниматься устройством нынешней жизни – в реальной истории, в меняющемся мире.

А для этого познание исторического опыта прежних эпох бесценно. Именно истинное, вдумчивое, подчас нелицеприятное познание. Вот и история скифов, сколь бы далеки они ни были от нас, может навести человека современного на некоторые размышления. Есть в ней и что-то поучительное, и немало просто занимательного. Вообще же захватывающая история взлёта и крушения скифского могущества, даже помимо всяких аналогий, позволяет лучше осознать законы исторического развития. Законы почти непреложные и далеко не для каждого из интересующихся очевидные.

Об истории скифов, – хотя известного людям Античности, но всё же «варварского», с их точки зрения, народа на самых краях Ойкумены, – мы знаем в конечном счёте не очень много. В нашей работе мы попытались собрать максимально подробную информацию. Нас занимали как бурные перипетии «конкретной» истории, так и неприметная повседневность, история культуры и быта. Конечно, далеко не всё из составляющего интерес историка может быть столь же интересно массовому читателю. Потому некоторые подробности мы оставили в стороне, – будь то эволюция конкретных форм глиняной посуды или воссоздаваемый словарный состав скифского языка. Однако для большой истории всё это представляет ценность

немалую, и заинтересованный читатель сможет удовлетворить свой интерес. Его мы отсылаем к специальным работам, список основных из которых он найдёт в конце книги. Там же перечислены издания, по которым цитируются в нашем тексте письменные источники, – и вообще максимум посвящённых Скифии научных работ.

К услугам же всех читателей – приглашение в мир древней истории. Вы сможете пройти её непростыми путями вместе с одним из народов, оставивших глубочайший след в прошлом нашей страны. И может быть, осознать разом и лежащую между нашими эпохами бездну времени – и то притяжение, которое испытывают многие к загадкам Скифского мира.

Начало начал

Конец III и II тысячелетие до н. э. были бурной эпохой в истории Евразии. По размаху и значению происходившие тогда, в бронзовом веке, события едва ли имели подобия в истории как предшествующих, так и последующих веков. Именно в это время вслед за Египтом и Двуречьем рождаются и растут другие древние цивилизации – сначала Востока, затем уже и Европы. Строятся государства, развивается письменная культура, всё большее число народов расстаётся с первобытной племенной жизнью. Но не только в этом мир меняется. Именно тогда, после многочисленных переселений, в основном сложились существующие поныне границы народов и языков. Происходившие позднее их изменения при всей своей значимости меняли картину гораздо в меньшей степени. Греческая колонизация и римские завоевания, расселения германцев затрагивали преимущественно Европу и Средиземноморье. Масштабные движения тюрков и арабов в Средние века во многом поменяли карту Азии и европейских степей. Но ни одно из этих событий не перекроило карту всего ведомого мира так, как передвижения племен на заре цивилизации. Ничего подобного не происходило, наверное, до тех пор, пока западные европейцы не колонизовали Америку, а русские не заселили Сибирь – уже в начале Нового времени. Но это было уже организованное движение народов цивилизованных. Тогда как бронзовый век видел перемещения многолюдных «варварских» масс, сменявших друг друга на просторах ещё не вполне обжитого материка.

Зачастую для нас эти движения безымянны. Мы едва можем угадывать имена или языки народов, пронесившихся по лицу Евразии, сметая с лица земли своих подчас столь же безвестных противников и оседая на их местах. Побеждая лишь для того, чтобы спустя век, другой, третий также кануть в неизвестность. Иногда волны нашествий обрушивались на оазисы цивилизации – и эти великие несчастья оборачиваются ныне прозрениями для современной науки. Ибо в этих случаях названия грозных завоевателей, а подчас и слова их языка оседали в письменных источниках. Гораздо сложнее установить родословную народов северной части Евразии, которая попадает в поле зрения письменных памятников гораздо позже, уже в античную пору. Современные археология и языкознание достаточно продвинулись для того, чтобы строить убедительные теории на этот счёт. Но каждая из них не перестаёт быть лишь теорией, нуждающейся в постоянной проверке и обосновании.

Скифы – одна из малых веточек на могучем древе индоевропейских народов, к которым относятся, помимо индоиранцев, славяне, балты, германцы, романцы, кельты, греки, армяне, албанцы. Земли, ставшие позднее европейской Скифией, уже с самого начала бронзового века оказались связаны с историей общих предков всех или почти всех индоевропейских народов. О прародине индоевропейцев учёные спорят не один десяток лет – и новые методы науки скорее открывают в споре новые грани, чем разрешают его.

Золотая пектораль из кургана Толстая Могила

Одни полагают, что прародину индоевропейцев следует искать в переднеазиатских землях – в Малой Азии, Северном Междуречье или на Армянском нагорье. На это указывают древние контакты индоевропейских языков с картвельскими и особенно семитскими. В Малой Азии располагалось древнейшее из известных науке государств индоевропейцев – Хеттское царство II тысячелетия до н. э. Хетты, греки и армяне отделились от индоевропейского единства раньше других народов, причём греки заселили Балканы как раз из Малой Азии. В пользу этой теории приводятся многочисленные данные языка и материальной культуры древних индоевропейцев – в частности, изобретение ими боевых колесниц.

Другие ищут прародину в степях Северо-Восточного Причерноморья, Северного Кавказа и Прикаспия. Отсюда распространяется вместе с расселяющимися племенами по Европе курганный обряд погребений. Здесь жили на протяжении предшествующих ещё бронзовому веку тысячелетий высокоразвитые пастушеско-земледельческие племена. Значимого же притока населения извне, как полагают сторонники этой теории, по археологическим материалам незаметно. Отмечают и исконное родство индоевропейских языков с языками Северной Евразии – уральскими и алтайскими.

Когда-то пользовалась популярностью теория «арктической», или «нордической», прародины индоевропейцев. Её сторонники считали индоевропейским «нордический» расовый

тип, издавна присутствующий на северо-западе Евразии. Сейчас у этой теории немного сторонников, в основном среди учёных из Северной Европы. Но и она не вполне сброшена со счетов. Её последователи ищут прародину индоевропейцев либо в Скандинавии, либо даже на Русском Севере. Предполагается, что отсюда они могли расселиться в течение нескольких веков на юг.

Но, как уже говорилось, при любом решении вопроса роль будущих мест расселения скифов, Северного Причерноморья и Приазовья, в судьбах индоевропейских народов остаётся немалой. В медном и начале бронзового века в европейских степях жили племена пастухов и земледельцев, относимые археологами к так называемой древнеямной культурной общности. Её существование приходится на IV–III тысячелетия до н. э. Культура эта получила название по обычаю погребать умерших в подкурганных ямах.

Почти ни у кого не вызывает сомнений, что ямная культурная общность была индоевропейской, что «ямные» племена являлись предками различных индоевропейских народов. По мнению сторонников степной «курганной» прародины, именно отсюда происходило расселение всех индоевропейских племен, и древнеямная – их последняя общая культура. Но и сторонники переднеазиатской прародины придают большое значение «ямным» племенам. В их областях видят «вторичную прародину», на которой веками жили бок о бок две больших племенных группы пришедших с юга индоевропейских племен – «древнеевропейцы» и арии-индоиранцы. В обоих случаях распространившиеся по Европе в III тысячелетии до н. э. культуры боевых топоров и шнуровой керамики возводятся к «ямным» племенам. Иначе получается лишь при принятии теории северной прародины. Здесь, напротив, считают, что культуры боевых топоров, распространяясь с севера, повлияли на ямную. Тогда надо понимать ее как культуру меньшей части индоевропейских племен – индоиранцев и, возможно, балтославян. Хронология и последовательность появления культур этой эпохи часто пересматривается, так что такой вариант тоже возможен, хотя маловероятен.

Хеттское божество

Как бы то ни было, языковеды и археологи согласны в том, что древнее индоевропейское единство распадается к концу III тысячелетия до н. э. Будущие индоиранские племена обособились на востоке индоевропейских земель, именно в степной и лесостепной полосе Евразии. По языку и культуре промежуточное место между ними и западными европейцами занимали балтославяне – общие предки славянских и балтийских племен. Последние, как полагают, осели к середине III тысячелетия до н. э. на Среднем Днепре, откуда двигались к северу и западу. Восточнее Среднего Поднепровья, следовательно, надо искать земли древнейших ариев.

Словом «арья» обозначали себя все индоиранские племена. Оно обычно для индийских Вед и в позднейшем санскрите приобрело значение «благородный», «благороднорожденный». От него же происходит и слово «Арьяна», «Эран», «Иран», означавшее «Арийскую страну». Первоначально «арья» обозначало «гостеприимца», «хозяина собственного дома», а затем вообще «господина», «свободного». Арии – по крайней мере в идеале – проводили довольно жёсткую грань между собой и покоряемыми народами. Потому-то в Индии «арья»

стало обозначать представителя одного из высших сословий-варн, в отличие от «вневарновых» париев. С другой стороны, «арья» было и культурным определением – люди иной культуры, с отличающейся верой переставали быть ариями для своих сородичей.

Арии уже в начале своей истории широко расселились на восток, заняв многие земли Поволжья, Приуралья, Центральной Азии. Археологи выделяют на огромном пространстве от Днепра до Алтая три восходящие к «ямной» археологические культуры, связанные с ариями. В Северном Причерноморье и на восток до низовий Волги в первой половине II тысячелетия до н. э. жили племена катакомбной культуры. Название её происходит от обычая погребать мертвецов в катакомбах под курганом. Неясно, впрочем, были ли эти племена правда ариями или относились к другой группе индоевропейских народов. Прямых потомков они, судя по всему, не оставили, растворившись в среде восточных пришельцев позднейших времён.

К востоку и северо-востоку, в Среднем Поволжье, в степном Приуралье, в Центральной Азии жили племена срубной культуры. Позднее они продвигались в разных направлениях – на юг в земли современных Киргизии и Туркмении, на запад вплоть до Дуная. Название связано с местной особенностью одного из вариантов культуры, открытого первым, – устраивать умершим подкурганые срубы. «Срубные» племена были в основном скотоводами, с чрезвычайно развитым бронзолитейным ремеслом. В них видят либо древнейших иранцев, либо даже общих предков всех ариев.

Топор. Катакомбная культура

Одной из самых развитых индоевропейских культур бронзового века являлась андроновская, зародившаяся в Приуралье в конце III тысячелетия до н. э. В числе её памятников этого древнейшего этапа – крупные укрепленные поселения, игравшие роль племенных «столиц», центров религии и власти. Наиболее известны среди них Аркаим и Синташта на территории современной Челябинской области. Из приуральских областей андроновцы двигались на юг и на восток, сталкиваясь и смешиваясь со «срубными» племенами – ближайшими соседями

и сородичами. В итоге в середине II тысячелетия до н. э. границы андроновской культуры достигли земель нынешних Туркмении и Таджикистана на юге, захватив Южную Сибирь на севере. Арийское происхождение андроновцев не вызывает сомнений у учёных. Многие видят в них прямых предков индоариев (что логично, если «срубные» племена – только иранцы). Другие, напротив, считают андроновцев хотя бы отчасти иранцами. Впрочем, некоторые языковеды сомневаются и в том и в другом. На основе древнейших слов-заимствований из арийских языков в финно-угорские они полагают, что андроновцы представляли особую, позже исчезнувшую ветвь арийских племен. Подобно «срубным» сородичам, андроновцы предпочитали скотоводство земледелию.

В любом случае ясно, что история ариев на их прародине не была мирной и спокойной. Скотоводческие племена со своими многоголовыми стадами перемещались по равнинам Центральной Азии и Прикаспия, соперничая между собой за пастушеские угодья. Границы даже больших культурных общностей, не говоря уже об отдельных племенах внутри их, менялись стремительно, буквально вгрызаясь в территории друг друга. Единой власти у древнейших ариев не существовало. Предания доносят память о калейдоскопе из десятков малых «царств», время от времени спланивавшихся в крупные союзы – для завоевательной или оборонительной войны. Такие союзы столь же быстро, как возникали, могли и распасться, а на их обломках рождались новые единства. Отголоски подчас катастрофических перемещений, столкновений и смешений родственных племен сохранились в древнейших священных текстах ариев – индоарийской Ригведе и иранской Авесте.

Уже в начале II тысячелетия до н. э. древняя индоиранская общность распадается. Первыми выдвинулись к югу предки нынешних носителей т. н. нуристанских языков, осевшие в горах Гиндукуша. К середине же этого тысячелетия начинают свое движение на юг индоарии, завершив его завоеванием Индостана. Другая группа ариев вторглась на Ближний Восток, где приняла участие в создании существовавшего до XIII в. до н. э. царства Митанни. Эти митаннийские арии, впрочем, в итоге растворились почти бесследно среди окрестных народов. Иранские племена в значительной массе оставались на северной прародине. В то же время часть их также сдвигалась уже к югу и к востоку, заселяя Среднюю Азию, а затем и Иранское нагорье.

Наконечник копья. Срубная культура

В эту пору и начинается распад уже самой иранской общности. Отличия между её племенами в культуре, языке, даже в хозяйственных навыках становились всё глубже. Решающее значение для ослабления связей между разными ветвями иранцев имел переход северных степных племен к кочевому скотоводству. Осваивая непригодные для первобытного земледелия пространства, сначала как выгоны для скота, а затем как основную среду обитания, северная часть иранцев отказалась от земледелия вовсе. Но в продуктах его кочевники продолжали нуждаться. Это могло вести к своеобразным договорным и меновым отношениям с соседними земледельцами. Но если разделение труда не складывалось, то хорошо организованные степные скотоводы брали необходимое силой. Потому с этих пор земледельческие племена Средней Азии и Иранского нагорья становятся мишенью постоянных набегов для северных соседей. Южане уже не желали признавать кочевников за ариев, за «иранцев», оставив это имя для себя, а врагов именуя «турья», «турами», их страну – «Туран». Впрочем, сами кочевники отнюдь от имени ариев не отказывались. Во всяком случае, античные географы знают в «азиатской Скифии» народы с такими названиями. Корень «Арья» встречается в именах европейских скифов. В итоге же имя арьев возродилось в Северном Причерноморье как название могучего кочевого племени аланов – арианов, «арийских людей».

Но, как было сказано, для жителей рождающегося на новых землях Ирана туранцы ариями уже не были. Раскол совершился бесповоротно. Ожесточенные войны с «турами», туранцами омрачали жизнь оседлых иранцев в столетия создания Авесты. С ними сражались легендарные герои Ирана, к вышней помощи против них обращался царь Виштаспа, принимая веру пророка Заратуштры. И именно в эти века как раз на степном севере, в глубинах кочевого Турана начинается история одного из величайших его племён – «народа стрелков», скифов.

Эпоха легенд

Первые упоминания скифов на страницах истории относятся лишь к VII столетию до н. э. Тогда это был уже многочисленный и сильный народ, наводивший ужас на соседей. Одно это говорит о том, что к тому моменту скифские племена прошли немалый путь исторического развития. Кроме же того, жили скифы в ту пору уже существенно западнее древнеиранской прародины, вторгаясь в земли Ближнего Востока через Северный Кавказ.

Античные историки были уверены, что скифы гораздо древнее первых достоверных сведений о них. Первый подробно писавший о них автор – греческий «отец истории» Геродот – относил, как увидим далее, начало скифской истории к XVI в. до н. э. Это не мешало ему считать скифов народом самым молодым на земле – в сравнении с многими десятками веков истории Египта или Вавилона. Римский же историк Помпей Трог, напротив, считал скифов народом из древнейших – и отодвигал их прошлое едва ли не в III тысячелетие до н. э.

Естественно, к выкладкам античных историописателей относиться надо с большой долей осторожности. Особенно если они меряют время тысячами лет, не называя точных сроков. Однако в случае с началами скифской истории некий ориентир для расчётов у греков и римлян имелся. И являлись этим ориентиром собственные скифские предания.

История любого народа в его исторической памяти открывается мифами и легендами. Боги и герои выступают как первопредки, как родоначальники, стоявшие у самых истоков «своего племени». «Точного» исторического знания в таких легендах зачастую мало. Их персонажи иногда – не более чем творения народной фантазии. Но всё же это осмысление – через призму первобытной религии и мифологии – своего действительного прошлого. В поэтической, переосмысленной форме даже миф о богах может сохранять остатки памяти о реальных фактах. Это не говоря уже о том, что для первобытной культуры нет противоречия между «реальным» и «мифическим». Сама историческая реальность осмысляется сквозь призму мифа. Исторический герой уподобляется в мыслях современников своим божественным двойникам и покровителям. На глазах людей одного поколения история переосмыляется в легенду, в миф – и так остаётся в памяти их потомков. Так что даже любителям исключительно «точного» исторического знания не стоит отмахиваться от творений устной памяти первобытных народов.

К несчастью, если народ исчезает с исторической сцены, вместе с ним в неизвестности пропадают, как правило, и его предания. Мифы и легенды десятков бесписьменных народов, известных нам лишь из соседских исторических хроник, ушли в небытие вместе с ними. Скифам повезло гораздо больше, чем многим из их соседей и даже сородичей. Соседи, торговые партнеры, а временами и грозные враги эллинских колоний Причерноморья, они веками привлекали к себе внимание любознательных греков. История скифов занимала в разное время лучшие умы античного мира. Неудивительно, что записанные нередко непосредственно со слов скифских сказителей легенды попадали в греческие и римские «истории» – и дошли до нас.

У древнегреческого историка V в. до н. э. Геродота сохранились две легенды о происхождении скифов. «Как утверждают скифы, из всех племен их племя самое молодое, а возникло оно следующим образом: первым появился на этой земле, бывшей в те времена пустынной, человек по имени Таргитай. А родители этого Таргитая, как говорят (на мой взгляд, их рассказ недостоверен, но они все же так именно говорят), Зевс и дочь реки Борисфена. Такого именно происхождения был Таргитай. У него родилось три сына: Липоксай и Арпоксай и, самый младший, Колаксай. Во время их правления на скифскую землю упали сброшенные с неба золотые предметы: плуг с ярмом, обоюдоострая секира и чаша. Старший, увидев, первым подошел, желая их взять, но при его приближении золото загорелось. После того как он удалился, подошел второй, и с золотом снова произошло то же самое. Этим загоревшееся золото отвергло.

При приближении же третьего, самого младшего, оно погасло, и он унес его к себе. И старшие братья после этого по взаимному соглашению передали всю царскую власть младшему.

От Липоксая произошли те скифы, которые именуются родом авхатов. От среднего Арпоксая произошли именуемые катиарами и траспиями. От самого же младшего из них – цари, которые именуются паралатами. Все вместе они называются сколотами по имени царя, скифами же называли их греки... Так как страна очень велика, Колаксай разделил ее на три царства между своими сыновьями и одно из них сделал наибольшим – то, в котором хранится золото...

Вот как рассказывают скифы о себе... а греки, живущие около Понта, рассказывают следующее: Геракл, угоняя быков Гериона, прибыл в ту бывшую тогда пустынной землю, которую теперь населяют скифы... Когда Геракл прибыл в страну, называемую ныне Скифией (здесь его застигли зима и мороз), то, натянув на себя львиную шкуру, он заснул, а кони из его колесницы, пасшиеся в это время, были таинственным образом похищены по божественному предопределению.

Когда же Геракл проснулся, он отправился на их поиски. Обойдя всю страну, он прибыл в землю, которая называется Гилея. Здесь он нашел в пещере некое существо двойной породы: наполовину ехидну, наполовину деву, которая выше ягодиц была женщиной, а ниже змеей. Увидев ее и изумившись, Геракл спросил, не видела ли она где-нибудь бродящих коней. Она же сказала ему, что лошади у нее и что она их ему не отдаст, пока он с ней не совокупится. Геракл вступил с ней в связь за такую цену. Она откладывала возвращение коней, желая как можно долее жить в супружестве с Гераклом, а он хотел, получив обратно коней, удалиться. Наконец она, возвратив коней, сказала: «Я сохранила для тебя этих коней, забредших сюда, а ты дал награду – ведь у меня от тебя три сына. Ты мне скажи, что нужно делать с ними, когда они станут взрослыми, – поселить ли здесь (в этой стране я сама господствую) или послать к тебе?» Так вот она обратилась к нему с таким вопросом, а он, как говорят, на это ответил: «Когда ты увидишь, что сыновья возмужали, ты не ошибешься, поступив следующим образом: как увидишь, что кто-то из них натягивает этот лук вот так и подпоясывается поясом вот каким образом, именно его сделай жителем этой страны. Того же, кто не сможет выполнить то, что я приказываю, вышли из страны. Поступая так, и сама будешь довольна и исполнишь мой приказ».

Натянув один из луков (до тех пор Геракл носил два лука) и объяснив употребление пояса, он передал лук и пояс с золотой чашей у верхнего края застежки и, отдав, удалился. Она же, когда родившиеся у нее дети возмужали, сначала дала им имена: одному из них – Агафирс, следующему – Гелон и Скиф – самому младшему. Затем, вспомнив о наставлении, она выполнила приказанное. И вот двое её детей – Агафирс и Гелон, которые не смогли справиться со стоявшей перед ними задачей, ушли из страны, изгнанные родительницей, а самый младший из них – Скиф, выполнив всё, остался в стране. И от Скифа, сына Геракла, произошли нынешние цари скифов. А из-за этой чаши скифы и поныне носят чаши на поясах. Только это мать и придумала для Скифа. Так рассказывают греки, живущие у Понта.

Второе из геродотовских преданий стало известно грекам очень рано. Впервые оно упоминается ещё в поэме «Эои», приписываемой прославленному Гесиоду и созданной в VIII–VI вв. до н. э. Повторена легенда и в одной древнегреческой надписи из Северного Причерноморья. Здесь имеются, впрочем, и некоторые новые подробности и отличия. Геракл, как рассказывает надпись, пришёл в Скифию и одержал победу над богом реки Аракс (Волга или одна из среднеазиатских рек). Победив речного бога в схватке, герой взял в жены его дочь, змееногую Ехидну. От этого союза родились два (а не три) сына – Агафирс и Скиф.

Римский поэт начала нашей эры Валерий Флакк, напротив, передаёт версию, похожую на первое предание Геродота. Валерий рассказывает, что Юпитер взял в жёны Гору, нимфу с «полузвериным телом и двумя змеями». От этого брака родился Колак, то есть Колаксай

Геродота. Таргитай и братья Колакская, как видим, в этой родословной пропущены. Зато сообщается, что Колакс погиб в бою с неким Апром – надо думать, как раз с геродотовским Арпоксаем, своим братом.

Во многом иначе, чем все эти источники, рассказывает о происхождении скифов греческий историк Диодор, живший также на рубеже нашей эры, спустя более 400 лет после Геродота. Скифы, говорит Диодор, «сначала занимали незначительную область, но впоследствии, понемногу усилившись благодаря своей храбрости и военным силам, завоевали обширную территорию и снискали своему племени большую славу и господство. Сначала они жили в очень незначительном количестве у реки Аракса и были презираемы за своё бесславие; но еще в древности под управлением одного воинственного и отличавшегося стратегическими способностями царя они приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях – побережья Океана и Меотийского озера и прочие области до реки Танаиса.

Впоследствии, по скифским преданиям, появилась у них рожденная землей дева, у которой верхняя часть тела до пояса была женская, в нижняя – змеиная. Зевс, совокупившись с ней, произвел сына по имени Скиф, который, превзойдя славой всех своих предшественников, назвал народ по своему имени скифами. В числе потомков этого царя были два брата, отличавшиеся доблестью; один из них назывался Пал, а другой Нап. Когда они совершили славные подвиги и разделили между собой царство, по имени каждого из них назвали народы: один палами, а другой напами...»

Самое поразительное здесь, что похожая на геродотовскую легенда не является началом истории скифов. Напротив, нам сообщают о каком-то предшествующем царе, который уже заложил основы скифского могущества. Не ведали мы от других авторов и о братьях Пале и Напе. Геродот говорил о совсем других делениях скифов.

Некоторый свет на загадочного «воинственного царя», предшественника геродотовских героев, проливает римский историк Помпей Трог, тоже автор рубежа нашей эры. Он начинает историю скифов с не упоминаемого более нигде царя Таная. Тот будто бы первым покорил земли Ближнего Востока, причем произошло это за 1500 лет до легендарного ассирийского царя Нина. Это примерно вторая половина III тысячелетия до н. э. по нашей хронологии – во всяком случае, на века ранее, чем действие геродотовских легенд. Впрочем, даты тут весьма условны. Ибо Танаи – лицо явно мифическое, скорее божество, чем людской герой. Его имя прямо связано с обозначением реки Танаис (Дон), а также с родственным именованьем водной стихии и ее бога в мифах индоевропейцев и древних иранцев. О том, что иранские кочевники почитали бога по имени Танаис, сообщают несколько античных писателей.

Итак, перед нами миф, вступающий в реальную историю. Трудно сказать, кто сделал Таная земным царём. У эллинов и римлян на рубеже нашей эры процветал так называемый «эвгемеризм». По примеру фантастического писателя Эвгемера историк Диодор и многие другие авторы объявляли собственных, античных богов всего лишь царями прошлого. Что там говорить о богах «варварских», по одному этому сомнительных! Но и сами скифы того времени уже глубоко прониклись, как увидим мы далее, эллинской культурой. При дворе Скифского Крыма античные интеллектуальные моды могли быть известны, и образованные скифы сами могли переосмыслять тогда своё прошлое. В некоторых поздних пересказах Танаис уже учредитель тайных обрядов, мистерий в честь свою и богини животворящих сил природы Аргимпасы – греки отождествляли последнюю с Афродитой. Как бы то ни было, когда Диодор точно передаёт «предания скифов», то следов «приземления» мы не видим. «Зевс» остаётся верховным богом, а «рожденная землей дева» – змееногой. Здесь Диодор почти не расходится с Геродотом, притом что и последний весьма скептичен.

Стоит ещё заметить, что греческие историки, даже пересказывая скифские мифы, были склонны заменять имена богов на привычные. Так, «Зевс», как в другом месте оговаривает сам Геродот, – скифский бог неба Папай. Сын Папая и отец трёх героев-предков Таргитай

отождествлялся у эллинов, как уже понятно, с Гераклом, сыном Зевса. А змееногая «Ехидна», дочь реки, выступающая супругой то одного, то другого, – жена Папая, богиня земли Апи, которую также потом называет Геродот. Немало изображений этой змееногой богини найдено в Европейской Скифии.

Как же выглядел первоначальный скифский миф? С точностью представить ответ трудно, поскольку ясно, что первобытная мифология не могла существовать в единственной, «канонической» версии. Но общие черты древнего сказания по античным пересказам представить можно.

Открывала миф родословная богов, без прямых пояснений переходящая в человеческую историю. «Первый человек» на пустынной земле – Таргитай – одновременно и почитаемый бог-предок. В ряду же божественных прародителей первым стоит древнее божество, воплощающее необузданные силы водной стихии – Танай или Аракс. Судя по предположительному изображению битвы с ним Таргитая-«Геракла», этот речной бог предстал, подобно своей дочери Апи, в чудовищном облике – получеловек-полузмей. Он не входил в пантеон высших скифских божеств. Но, воплощая силы изначального хаоса, стоял у истоков родословной богов и людей, которым требовалось победить его для устройства космоса. Обителью Тая (возможно, у самих скифов это имя звучало как Дану) могли считаться самые разные реки – Дон, Днепр, Волга, Сырдарья... В эпоху эвгемеризма одно это могло породить у античных писателей представление о нём как древнем царе-завоевателе. Дану упоминается, кстати, и в иранской Авесте как предок какой-то части туранцев.

От союза древних вод и земли рождается змееногая богиня Апи – «земнородная», но вместе с тем богиня и воплощение Земли. Подобно своему отцу, она воплощает и воду – имя её толкуется языковедами как «водная». Унаследованный от отца чудовищный облик напоминает о том, что она повелевает не только животворящими, но и разрушительными силами. Но в скифском, насквозь патриархальном мифе древняя Великая Мать, дарительница и разрушительница, – прежде всего именно Богиня-Мать. Её назначение – давать жизнь почитаемым богам и героям-предкам, обуздывающим изначальный Хаос и обустривающим Космос.

Апи становится женой Папая, небесного бога, имя которого легко толкуется как «Отец». Это естественный космический брак, дающий начало всему живому, – союз Неба и Земли, обычный для индоевропейских мифов. Зримым отражением его древние земледельцы и скотоводы считали дожди, год за годом оплодотворяющие Землю, – а она порождает затем всходы живого. Происхождение самого Папая в мифах не уточняется. Но старейшей и главной в пантеоне богов считается ещё одна богиня – Табити, воплощение стихии огня. Она почиталась в различных ипостасях и рассматривалась как прообраз и покровительница царской власти. Естественно полагать, что древнейший, небесный царь Папай считался её сыном, а потомками – все скифские цари, признававшие её своей «царицей».

От брака Неба и Земли, как венец всего порождённого ими живого, рождается первый человек на необитаемой пока земле – Таргитай. С ним у скифов был связан целый цикл мифов, из которых до нас дошли не все. Так, греческий мифолог конца V в. до н. э. Геродот упомянул любопытную легенду о том, что Геракла обучал стрельбе из лука скиф по имени Тевтар. Мы видели, что в греческой версии скифского мифа «Геракл» – лучник, как и его собственно греческий двойник. Едва ли не это и повлияло на отождествление Таргитая с чужеземным героем. Стрельба из лука была не только важнейшей частью военного дела скифов. Она составляла частицу даже их самосознания. Скиф для окружающих народов – прежде всего лучник. С учётом этого не будет удивительным, что изобретению лука и стрел посвящался особый миф. Тевтар – ещё один культурный герой, полубожественный наставник первочеловека Таргитая. Остаётся сожалеть, что некоторые мифы о Таргитае для нас навсегда утрачены.

Однако центральный миф, в котором действует Таргитай, – основной миф скифов, повествование об их происхождении. В мифе о Таргитае присутствовал мотив, не вполне

воспринятый эллинами в силу несоответствия их собственной культуре. Апи, Богиня-Мать, выступала как супруга не только Папая, но и их сына Таргитая. Представление о таком «кровном браке», коему придавался священный смысл, присутствовало в скифской культуре, о чём есть и иные упоминания. Став матерью богов с Папаем, Апи затем становится и матерью людей с Таргитаем. Заметим, что Таргитай может пониматься не только как сын, но и как земное воплощение Папая – отсюда явное смешение их в некоторых версиях мифа.

Миф повествовал о том, как Таргитай вступил в бой с Араксом (Танаем) и победил его, утвердив собственную власть в срединном земном мире, положив конец власти изначального хаоса. Известно также предание о том, как «Геракл» помогал Апи-«Ехидне» победить «гигантов». Обретенную власть над Землей призван символизировать брак первочеловека с богиней Земли, с Апи, в котором порождается род человеческий. Последний без колебаний отождествлён в скифском мифе со скифскими племенами. Происхождение других народов вообще обычно мало заботило первобытных мифотворцев.

Две версии, приводимые Геродотом, не столько противоречат друг другу, сколько дополняют. Естественно, всё, что в греческой версии вызвано отождествлением Таргитая и Геракла, и прежде всего история коров Гериона, – наносное. Однако рождение и испытание трёх сыновей – скифский по происхождению сюжет. До нас сохранились скифские изображения разных эпизодов мифа, в том числе состязания героев-предков в стрельбе из лука. Назначенное «Гераклом» (Таргитаем) испытание призвано определить, кто из сыновей станет воином. Натянувший лук Скиф (Колаксай первой версии) справляется с задачей.

У современных учёных не вызывает особых сомнений, что в первоначальном мифе шла речь о происхождении не «народов» скифов, гелонов и агафирсов, а о делении самого скифского общества. Собственно говоря, в первой, «скифской» версии Геродота речь прямо об этом и идёт. Колаксай становится родоначальником «царей» – воинского сословия паралатов, из коего выдвигались царские династии. Название «авхаты» означает «белые», «светлые» и соотносится с сословием жрецов. Символичны имена прародителей высших каст – Колаксай («Царь-Солнце») и Липоксай («Царь Горы»). От Арпоксая, «Царя Глубин», происходят третья и четвёртая, низшие сословия скифского общества. В катиарах и траспиях обычно видят «землепашцев» и «коневодов» соответственно. Миф сложился в ту пору, когда земледелие ещё оставалось занятием части собственно скифов. Но первоначально речь в нём, конечно, шла о тройственном делении общества – древнейшем кастовом делении всех индоевропейцев. Только с появлением у скифов подвластного земледельческого населения, часть которого и сама числилась «скифами», появилась четвёртая каста. Именно это послужило переосмыслению древнего предания. Арпоксай и Липоксай стали считаться родоначальниками родственных скифам и зависимых от них соседних народов. Что любопытно, Липоксай при этом превратился в Гелона – родоначальника лесостепных земледельцев.

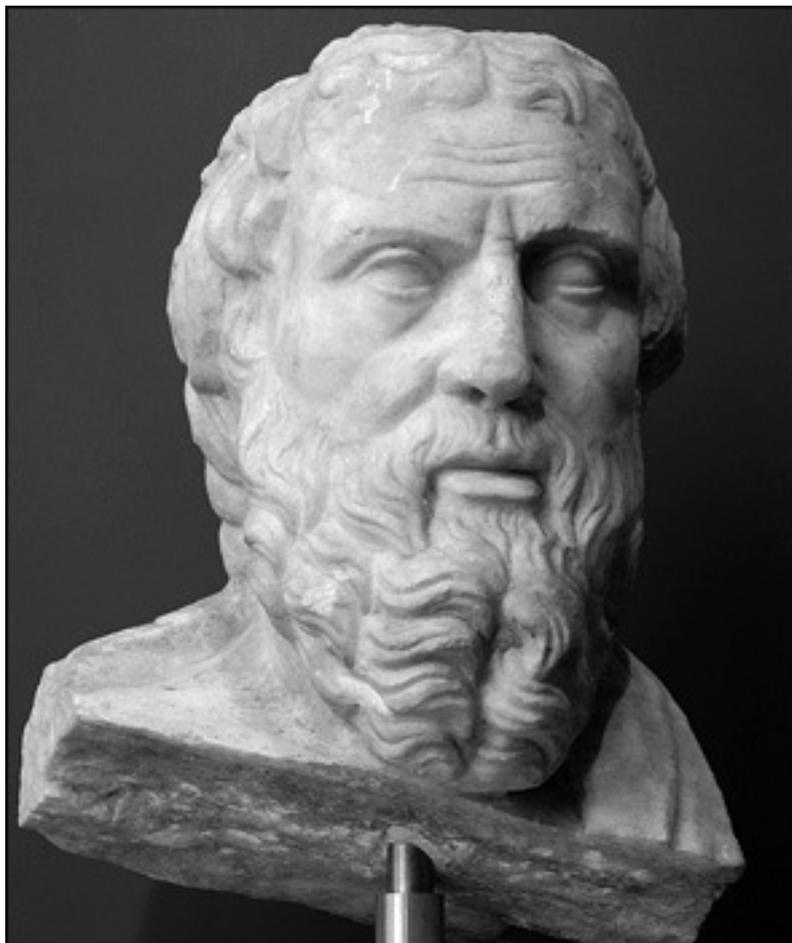
Второе испытание, описанное у Геродота в «скифской» версии мифа, происходит уже во время правления братьев-предков. Таргитай по окончании своих земных дел воссоединяется с другими богами, и начинается эпоха людских царей, его потомков. Небо (то есть первопредок, Отец-Небо Папай) посылает своим потомкам волшебное золото. Обладающий им получает в свою власть все четыре сословия. Секира – символ воина, чаша – жреца, а плуг и ярмо – земледельца и скотовода. Таким образом, если первое испытание определяло деление скифского общества на касты, то второе – их иерархию. Побеждает Колаксай, тогда как его братьев золото отпугивает огнём. Таким образом, старшинство в обществе переходит от жрецов (Липоксай – старший брат) к воинам, паралатам. Им и суждено отныне быть «царями».

Интересно, что у других арийских племён история развивалась иначе. У индоариев высшей варной (сословием) стали в итоге соперничества с воинами-кшатриями именно жрецы-брахманы. У оседлых иранцев авестийских времён власть перешла от древних военных вождей парадата (очевидно, те же паралаты) к царям-жрецам, кави. Лишь утверждение зороастризма

и возникновение нового жреческого сословия магов привело здесь к разделению светской и духовной власти.

Миф Геродота, по сути, кончается на этом итоговом акте устройства людского космоса – создании общественной иерархии. Но судя по имеющимся обрывочным сведениям, в том числе и по памятникам скифского искусства, у скифов миф на этом не оканчивался. Посрамлённые старшие братья вступили в сговор против Колакся. Они напали, и первый царь скифов погиб от руки Арпокся. Именно поэтому потомки последнего оказываются внизу общественной лестницы, несмотря на свою многочисленность. Самих убийц ждало воздаяние. Именно в связи с этим Апи изгоняет их, с чем позднейшие предания связали происхождение соседних народов.

Нельзя не обратить внимание на сходство скифского мифа с авестийскими преданиями. Миф о Таргитае – не исключительно скифский, а общеиранский. Таргитай (собственно Таргитаос) – всего лишь греческая передача иранского имени Траэтаона, хорошо известного Авесте и позднейшим легендам Ирана. В Авесте Траэтаона, сын Атвьи, – один из первых царей парадата, великий эпический герой и предок иранцев. Подобно скифскому Таргитаю, он побеждает змеевидное чудовище – Огненного Змея, Ажи Дахаку. Обезглавив Змея, Траэтаона женится на сёстрах мифического предка ариев Йимы.

«Отец истории» Геродот

Имя Траэтаоны происходит от числа «три» – он выступает как третий из братьев, и старшие передают его во время борьбы с чудовищем. В скифском мифе этот мотив утрачен и имя героя не объясняется. Но и у осёдлых иранцев история повторяется с тремя сыновьями героя. В древнеперсидских мифах Траэтаона оставляет трёх сыновей – Сальма, Тоза и Эрича. Они явля-

ются родоначальниками отдельных сословий. Сальму даётся богатство, и его потомки занимаются хозяйством. Тоз – родоначальник воинов. Эрич же получает истинную веру и дар правосудия. Его потомки – цари-жрецы. С его именем, кстати, связывается иногда название «Иран», так же как сколоты возводили своё название к Колаксаю. Братья из зависти убивают Эрича, за что прокляты и изгнаны отцом.

Стоит заметить, что при всей схожести скифского и южноиранского мифов, в последнем победа остаётся за жреческим сословием. Более того, зороастрийские предания отразили и иное положение дел у кочевых соседей. Изначально родоначальник туранцев Тура считался сыном Йимы. Тем самым, кстати, признавалось, что у туранских племён продолжают править древние цари-воители, парадата. Однако затем, в более поздних текстах, Тура был вставлен в родословную потомков Траэтаоны. Он стал, что весьма любопытно, потомком именно воителя Тоза. Наконец, в позднейших персидских переработках древних мифов никакого Тоза уже нет вообще. Тура, или Тур, становится вторым сыном Траэтаоны и непосредственным убийцей Эрича. Тем самым получают объяснение и кровная вражда иранцев с туранцами, и правление у туранцев (в том числе скифов) воинской касты парадата.

В Ригведе упоминается отрицательный персонаж с аналогичным Траэтаоне именем – Траитана. Он назван «даса», то есть «демоном», «рабом» или «варваром». При попытке убить одного из ведийских мудрецов Траитана случайно убивает сам себя. Позднейшие индуистские предания по-своему интерпретируют скудные строки Вед, но эти вторичные толкования для нас менее интересны. Можно предположить, что проходное упоминание редкого имени, героического для родичей иранцев, – след тяжёлого распада древнеарийской общности.

Любопытно, что Таргитая скифский миф относит ко времени «за 1000 лет до Дария», то есть к XVI в. до н. э. Авестийского Траэтаону некоторые генеалогические расчёты позволяют отнести примерно к той же эпохе. Это, как упоминалось выше, действительно время распада древнеарийского единства и образования новых племён. Но делать из этого вывод об «историчности» какого-то прототипа эпического героя едва ли стоит. Современные исследователи языка и мифологии предполагают, что сам Траэтаона – один из вариантов более древнего, ещё индоевропейского героя-змееборца. Последний известен арийским мифам как Трита, буквально «Третий», и в мифах о нём много параллелей с преданием о Траэтаоне. Впрочем, из сегодняшнего дня трудно осознать, насколько смешивались миф и реальность в сознании первобытного человека. Вполне реальный вождь мог и должен был восприниматься как «двойник» героя древних мифов, сливаясь в памяти потомков с ним до неотличимости.

Остаётся расшифровать последнюю часть мифа о происхождении скифов, а именно историю братьев Пала и Напа, скорее упоминаемую, чем сообщаемую Диодором. В истории скифов, по Геродоту, место для неё едва ли находится – скифы у него делятся, как уже говорилось, отнюдь не на две части. У Геродота, передающего скифский миф, вслед за делением на четыре касты появляется деление территориальное, но на три части. После смерти Колаксы три его сына, согласно воле покойного, разделили огромную страну. Интересно, что тройственное деление во времена Геродота сохранялось как западными скифами, так и восточными саками. Если скифами правили три царя, то и саков победные реликвии персидских царей подразделяют на три части (не считая «заморских» скифов).

Что же в таком случае означает деление на «палов и напов» из рассказа Диодора? Напомним – от него мы узнаем лишь то, что Пал и Нап являлись потомками Скифа (то есть Колаксы), после «славных подвигов» разделили между собой наследство предка и дали имена двум народам. Поскольку о таких «народах» более ничего не известно и сам Диодор более ничего не говорит, мы остаёмся в недоумении. Однако его помогает разрешить младший современник автора «Исторической библиотеки» – римский учёный-энциклопедист Плиний Старший. Перечисляя в своей «Естественной истории» кочевые племена Центральной Азии, он вскользь замечает: «Здесь палеи некогда истребили напеев». Это, скорее всего, позаимствованное откуда-то

замечание многое объясняет в легенде Диодора. Итак, деление на «палов и напов» относится к древнейшему пребыванию скифов в Заволжье и азиатских степях. Причём палы воевали с напами и одержали победу, так что позднейшие скифы – именно палов наследники. Потому-то о делении надвое ничего нет у Геродота – в его время оно было неактуально. С другой стороны, Диодор то ли не знал, то ли просто не счёл нужным приводить продолжение легенды.

Но включение предания о разделе народа на «палов и напов» и об их войне в основной скифский миф должно иметь какое-то объяснение. Его получают современные языковеды, истолковав названия «народов». Название «палы» означает, скорее всего, «воины, дружина», а «напы» – «простолюдины, община». Таким образом, братья «Пал» и «Нап» не более «историчны», чем Таргитай и его сыновья. Предание о них и их потомках несколько искусственно встроено в историю династии Колаксия. Повествует же оно о том же самом – о становлении иерархии в скифском обществе. Сначала рисуется идеальная картина равного участия «воинов» и «народа» в ратных подвигах и делах власти. Разделение на «народ» и «войско» отсутствует. Затем разделение появляется, а за ним приходит вражда, поскольку «народ» не желает уступать власть над собой «войску». В конечном счёте воины во главе с царским родом одерживают победу. Сокрушённый «народ» вынужден подчиниться их гегемонии. События, отражаемые этим преданием, к слову, действительно должны были произойти позднее складывания царской власти и кастового деления. Так что в последовательности событий скифское предание, известное Диодору, вполне справедливо.

Золотая бляха с изображением конного скифа

Предание о Таргитае и его сыновьях географически довольно размыто. Его действие свободно перемещается от Днепра до рек Средней Азии. Напротив, предание о Пале и Напе жёстко привязано к азиатской прародине скифов, об исходе с которой они помнили во времена Герод-

ота и Диодора. Это свидетельство того, что с почвы мифа мы понемногу переходим на почву конкретной истории. Что же известно нам о древнейшей истории скифов, помимо их собственных легенд?

Легенды и история

Все античные авторы помещают прародину скифов в Центральной Азии, неподалёку от «Аракса». Это неудивительно, ведь там продолжали жить «азиатские скифы», саки. В центральноазиатских степях разворачивалось и действие сказания о войне палов и напов. Целый ряд речных названий – включая собственно «Аракс» (перенесённое на Волгу) – перешло вместе со скифами в европейские степи. Другое название Сырдарьи – Силис – стало у скифов вторым названием Дона-Танаиса. Да и само название «Дану», «Дон» могло прилагаться к Сырдарье. Всё это немало смущало греков, которые до походов Александра Македонского включительно путали Амударью с Волгой, а Сырдарью – с Доном. Тех, кто видел обе пары рек воочию, было немного, к тому же греки ничего не знали об Аральском море и плохо представляли Каспий. Когда армия Александра переправилась через Сырдарью, его полководцы решили, что находятся уже в «Европе» за «Танаисом».

Однако открытия археологов в XX в. несколько поколебали многовековую уверенность в расположении скифской прародины. Стало ясно, что скифская культура была выстроена многими «срубными» племенами. Притом трудно уяснить, откуда именно пришёл «решающий», собственно скифский элемент. И приходил ли вообще – многие придерживаются ныне мнения, что скифский союз племён появился собственно в европейских степях. С другой стороны, пышные курганные погребения в «скифских» традициях обнаружены на Алтае. Это побудило некоторых учёных в последние годы искать прародину далеко на востоке. Однако наиболее вероятной всё же остаётся версия центральноазиатской степной прародины. А непосредственных предков именно европейских скифов в эпоху расцвета срубной культуры надо скорее помещать на западных её рубежах. Они могли жить в Приуралье или даже в междуречье Урала и Волги.

Как мы видели, Геродот сообщает, будто сами себя скифы именуют сколотами. Нет оснований думать, что он ошибается или путает разные племена. Хотя такие догадки делались – в «сколотах» видели земледельческое население Северной Скифии. Но слово «сколоты» определённо родственно греческому «скифы». Второе могло бы быть передачей первого, в чём, кажется, не сомневался Геродот. Однако более вероятно, что «сколоты» – скифское переосмысление первоначального названия, приближение его к имени мифического Колак-сая. Персы называли всех скифов «саками», что часто возводят к древнеиранскому названию «Сугуда» – Согд, земледельческое порубежье Ирана и Турана. Название «сака» применительно к азиатским скифам употребляют и другие знавшие их народы – древние греки и римляне, китайцы, индоарии. Для ближневосточных народов скифы – Ашкуз, Ишхуза, Ашкеназ. По распространённому мнению, все эти названия – скифы, сколоты, Сугуда (Сака, Ашкуз), Ишхуза, Ашкеназ – имеют одно происхождение. Общим источником стало древнеиранское «ишкузи» – «стрелки, лучники» или ещё более древнее арийское слово со схожим значением. Скифы, таким образом, – «народ стрелков». И действительно, они считались непревзойдёнными стрелками из лука. Лук – основное и надёжнейшее оружие скифов, что неоднократно подчёркивается в разных источниках.

Авеста как будто ещё не знает имени скифов или саков. Однако ей хорошо известны многочисленные туранские племена северо-восточных земель. Не вызывает сомнений, что это непосредственные предки скифов и саков. Скорее всего, скифо-сакские племена даже составляли подавляющую часть туранцев Авесты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.